

Ю. А. КРАШЕНИННИКОВА
(Сыктывкар)

РУССКИЕ СВАДЕБНЫЕ ПРИГОВОРЫ В СВЕТЕ НАРОДНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу корпуса народных дефиниций свадебных приговоров, зафиксированных в научной, очерковой литературе, архивных материалах XIX — начала XXI в. Раскрываются принципы появления и функционирования ряда народных терминов, причины закрепления в традиции тех или иных народных обозначений жанра и жанровых разновидностей.

Ключевые слова: народная терминология, системы народных дефиниций, русские свадебные приговоры.

В современные филологические исследования, связанные с выявлением специфики фольклорных жанров, феноменов традиционной духовной культуры, вошли представления об учете народной терминологии при анализе фольклорных текстов, обрядов и верований [см.: Толстая 1989; Никитина 1993, 17—31; Самоделова 2003 и др.], полифункциональности народной терминологии как одного из источников реконструкции духовной культуры [Толстая 1989, 228]. В ряде работ сделаны наблюдения относительно принципов формирования системы народных дефиниций фольклорных жанров [Самоделова 2003; Ключева 2008, 16—23], из которых видно, что на возникновение народных терминов оказывают влияние такие параметры, как жанровая специфика, «ментальные доминанты традиции» [Ключева 2008, 15], место текста в обряде и вписанность его в традицию, реакция на культурные изменения в традиции и проч.

В научных классификациях и народной среде обозначения фольклорных жанров могут иметь разную «нагрузку»: термин, введенный исследователями в научный узус, закрепляет в большинстве случаев одну-две специфических особенности, народные дефиниции, зафиксированные в устной народной

культуре во множестве вариантов, содержат сведения о формальных, содержательных, функциональных признаках жанра [Никитина 1993, 26]. Исследователи отмечают, что научные жанровые определения и народные названия могут сосуществовать и в народной среде, и в сфере научного употребления; с другой стороны, некоторые народные дефиниции фиксируются только в конкретных местных традициях (на примере обрядовой лирики: [Самоделова 2003, 26]).

Мы остановимся на группе народных обозначений говорных¹ жанров свадьбы — приговоров свадебных чинов и гостей. В работах, опубликованных в XIX — начале XX в. любителями-собирающими, краеведами, в архивных материалах, содержащих отчеты корреспондентов научных обществ, материалах фольклорных экспедиций (второй половины XX — начале XXI в.) отложились оценки носителей традиции, публикаторов, собирателей относительно поэтических текстов, особенностей их исполнения и проч. Зачастую эти оценки субъективны, интуитивны, ситуативны, представляют собой мнение какого-либо коллектива или отдельного носителя, которое складывалось внутри традиции. Однако в совокупности они весьма любопытны, поскольку содержат наблюдения о специфических показателях жанра.

Термин «свадебные приговоры» получает распространение в сфере научного употребления². В нем закреплены

¹ Термин, предложенный Г. А. Левинтоном [Левинтон 1998, 65—66]; см. также мнение Б. Н. Путилова о делении жанров по способу произношения: тексты, которые поются, сказываются и говорятся [Там же, 65, сноска 24].

² Приведем лишь несколько «штрихов» из истории становления термина. Одним из первых этот термин использовал И. М. Снегирев, однако в его работе «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» лексемы «наговор» и «приговор» синонимичны [Снегирев 1839, 132, 142], через два года появляется работа Г. А. Иваницкого «Приговоры дружки, когда он приедет за невестою» [Иваницкий 1841], в которой опубликованы тексты свадебных приговоров. Анализирует и публикует свадебные приговоры Д. К. Зеленин [Зеленин 1904]. А. Н. Веселовский, рассуждая о жанрах свадебной

такие жанровые показатели, как обрядовая приуроченность (исполнение на свадьбе) и отчасти указание на манеру произношения, исполнения текстов — слова, которые приговаривают, сопровождают какое-либо действие³. Желание исследователей закрепить конкретные тексты за тем или иным персонажем или группой участников обусловило выделение жанровых разновидностей: приговоры дружек, сватов, тысяцкого, девушек, гостей и зрителей⁴.

Помимо «официального» названия в исследовании зафиксирован ряд других номинаций свадебных приговоров, которые демонстрируют неоднозначное восприятие жанра в научной среде. Отмечая «необычность», «нестандартность» [Круглов 1984, 75] содержательного плана свадебных приговоров, под поэзии, упоминает «приговоры» дружек [Веселовский 1989, 183], при этом обращает на себя внимание тот факт, что исследователь дает термин в кавычках. Анализ других «закавыченных» слов в сюжете, посвященном свадебным приговорам, дает повод думать, что кавычки, возможно, употребляются в качестве показателя «чужого» слова, принадлежащего скорее народной, диалектной речи, а не литературному, научному стилю языка (О случаях употребления и семантике кавычек см.: [Зализняк 2007]) и др.

³ Толковые, диалектные словари предлагают перечень значений лексики «приговор», в числе которых «прибаутка, присловье; то, что приговаривают (разг.). <...>. Поговорка» [Ушаков 1935—1940, т. 3, 781]; «местн. слова, сопровождающие какое-л. действие; прибаутка, присловье» [Ефремова 2000]; «прибаутка, складное пустословие красная. <...> Приговорка, то же, поговорка; или привычное повторение за каждой речью нескольких слов; или присловье, прозвище, данное уроженцам одной местности» [Даль 1995, т. 3, 407]; заговор, заклинание, наговор (Пск., Твер., Моск., Прионеж.), сочетание «приговор приговаривать» означает «произносить заговор, заклинание» (Олон.); прибаутка, шутка; присказка (Костром., Твер., Прикамье, Перм.), частушка, припев (Яросл., Костром.) [СРНГ 1968—2005, вып. 31, 164].

⁴ В частности, А. В. Торопова выделяет четыре группы приговоров — приговоры дружек, девушек, свах и ряженных [Торопова 1974, 63], оставляя за пределами своей классификации тексты единичные, редкие или бытовавшие в конкретных локальных традициях (приговоры местных жителей, тысяцкого, приговоры-благопожелания гостей и проч.).

черкивая их близость к эпической поэзии, заговорам и апокрифам [Мореева 1927, 122; Поздеев 1984, 69; Самоделова 2001, 37; Торопова 1974, 112—119], исследователи называют приговоры *наговорами* [Аргентов 1941, 101; Серебренников 1911, V; Торопова 1974], *стихотворными причетами* [Зорин 1981, 97], *прибаутками и присказками* [Гаген-торн 1928, 172], *присловьями или присказками балагурного, явно скоморошьевого характера* [Соколов 1941, 168], *свадебными «присказками»* [Там же], *приказочными стихами* [Там же, 169], *указами* [Бломквист 1927], *заговором* [Плесовский 1968, 35, 60] (вар.: *заговорные слова дружки* [НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 217. Л. 267], *свадебной сказкой* [Ончуков 1908, 261] и проч., хотя справедливости ради надо отметить, что некоторые из перечисленных названий являются образцами народной терминологии. При характеристике текстов или техники их исполнения акцент делается на наличии такого фактора, как рифма: «рифмованный наговор» [Забьлин 1990, 121], «рифмованная речь» [Андроников 1905, 31], «рифмованная проза» [Там же], «выклички дружки <...> все рифмованные» [Можаровский 1907, 122], «весь монолог говорится очень скоро с особенными ударениями на рифмованных последних словах» [Шейн 1900, 501].

Народная среда предлагает целый спектр номинаций свадебных приговоров, посредством которых подчеркиваются наиболее яркие свойства конкретных текстов и жанровых разновидностей. В народных названиях закрепляются типологически сходные черты с другими жанрами, фиксируются тончайшие оттенки манеры исполнения, оговаривается привязка того или иного текста к конкретному обрядовому акту. «Межжанровые» названия представляют особый интерес, поскольку содержат указания на общность сюжетов, поэтики, семантики с другими жанрами. Совокупно эти номинации высвечивают наиболее существенные жанровые особенности и нюансы содержания, указывают возможные пути типологических «схождений» с другими фольклорными и литературными жанрами. Зафиксированное в названии указание

на функциональную приуроченность позволяет уточнить назначение того или иного приговора, позиционировать его «место» относительно других текстов в структуре обряда.

В опубликованных и архивных материалах, датируемых XIX — началом XX в., зафиксированы такие определения к произносимым на свадьбе текстам: *свадебные причеты* [РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 67. Л. 22об. Кировская обл., 1937 г.], см. также: [Шейн 1900, 669, 739]; *причитания дружек* [Магницкий 1877, 155]; *прибайки* [ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 130. Л. 39об., Вятская губ., 1863 г.]; *прибаутки* [РГО. Р. 18. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 4. Костромская губ., 1854 г.]; *рацей⁵ и прибаутки* [Юрлов 1867а, 3]; *речи* [Огурцов 1910, 4]; *свадебные стихи* [РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 96. П. 2. № 88. Л. 291; № 89. Л. 292. Ленинградская обл., 1939 г.]; *распорядительные выклички* [Можаровский 1907, 127]; *приговорки, поговорки* [РГО. Р. 14. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 9. Казанская губ., 1855 г.]; *молебен* [Зобнин 1898, 278]; *речитатив дружки* [Васнецов 1894, 283]; *наговор* [Ермолаев 1912, 585; Андроников 1905, 31].

В экспедиционных записях⁶ приговоры получают следующие обозначения: *молитва, проповедь, басенка, прибасенка, наговор, присказка, сказики, стихи, анекдоты, причеты, байка, приговорки* и др.: «<перед закрытыми дверями> не пускали, вот дружки *молитвы* читали, она долгая: мы ехали да переехали...» [СыктГУ. 1319-46. Прилузский р-н РК, 1990 г.]; «<При входе в дом> дружка несет коровай и кладет его на полницу, что-то читает как *молитву*» [РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 33. Кировская обл., 1990 г.]; «...Перед родственниками жениха закрывали двери, перед дверями читали *молитвы*. На своей свадьбе *молитву* спел дед, его часто приглашали на свадьбы петь *молитву*, чтобы двери открыли...» [НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 692. Л. 161. Прилузский р-н РК, 2005 г.]; «Жених должен читать *молитву*: “Ехали мы, ехали, / Через горы

*высокие, / Кони наши быстрые скакали, / Через леса перепрыгивали, / Болота переплывали...” Если это не прочитают, то двери не откроют...» [ИЯЛИ. ВФ 1521-39. Прилузский р-н РК, 2004 г.]; «*Молитвы* дружка читает, когды к невесте идет. В дверь не пускают, так то ли кто чего говорит...» [СыктГУ. 2008-39. Лузский р-н Кировской обл., 1991 г.]; «Приезжают ко крыльцу. Дружки, значит, первые высказывают на крылец стучаться. Двери заперты. Вот, значит, читают там *молитву*, чтобы отперли двери» [СыктГУ. 2002-37. Лузский р-н Кировской обл., 1991 г.]; «Посадили его (дружку. — Ю. К.), вот он и зачитал *молитву*, опеть про табачок...» [ИЯЛИ. АФ 1706-71. Вилегодский р-н Архангельской обл., 1996 г.]; «Несколько “*причетов*” дружки она (информант. — Ю. К.) запомнила. Вот, например, когда невесту дарят, дружка говорит: “На тебе чулки да мыло, не коси рыло...” [РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 48. Т. 2. Л. 33. Кировская обл., 1990 г.]; «Когда дружка вошел в дом, он сразу начал “*причеты*”. <...> Некоторые из шуточек запомнились: “Шел дружка через порог. Упер глазки в потолок...” [Там же. Л. 43. Кировская обл., 1990 г.]; «“*Причеты*” дружки последний раз слышала после войны. Потом уже дружки не читали *причеты*...” [Там же. Ед. хр. 49. Т. 3. Л. 14. Кировская обл., 1990 г.]; «Дружка, обычно родственник жениха, знает *причеты*. Вообще-то все парни знали *причеты*. Информатор помнит только “Едет свадьба на вашем поле на ваших конях...” [Там же. Л. 44об. Кировская обл., 1990 г.]; «Дружка был. Он и на лошадях первый едет. Называли тысяцкий. Он как свидетель. Молитвы не читали, а какие-то сказики были...» [СыктГУ. 2239-90. Опаринский р-н Кировской обл., 1992 г.]⁸; «Кому дружской*

⁷ Здесь и в следующих двух цитатах так написано собирателем в полевом дневнике.

⁸ Ср.: в Олонецкой губ. представитель невесты в диалоге называет приговор дружки «сказкой» [Лысанов 1916, 88]. Кстати сказать, отдельным сюжетом в теме номинирования может быть анализ названий, которые закрепились не в комментариях и высказываниях публикаторов и информантов, а собственно в поэтических текстах, например: приведенное выше название «сказка», «речи» [ФА ИРЛИ. Колл. 287F, № 00389.03. Лешуконский р-н Архангельской обл., 1958 г.] и др.

раньше ехать все выучивали это ребята, все знали. Это не молитва, просто **ба-сенка, присказка...**» [СыктГУ. 1318-35. Прилузский р-н РК, 1990 г.]; «*Дружка рассказывал прибаутки. Запирались, не пускают в избу к невесте. И он всяко наговаривает...*» [СыктГУ. 1811-38. Мурашинский р-н Кировской обл., 1990 г.]; «*Даже они (дружки. — Ю. К.) говорили прибаутки разные всяки насчет невесты, насчет жениха...*» [СыктГУ. 1813-23. Мурашинский р-н Кировской обл., 1990 г.]; «*...папа знал четверостишия к свадьбе более 400 куплетов. <...> Только дружка имел возможность говорить какие-то сальности. Говорил тосты, и каждый раз тосты были разные в стихотворной форме. На подклет дружка четверостиший пять говорил напутствий. За столом — тосты за здоровье родителей, гостей...*» [АА. Зап. 13.08.2006 г. от Поморцевых А. В., 1946 г. р., Т. В., 1949 г. р., Вилегодский р-н Архангельской обл.]; «*<Приговоры> — это просто стихи, это не молитва*» [АА. Зап. 12.08.2006 г. от Сухих Н. О., 1910 г. р., Вилегодский р-н Архангельской обл.]; «*Читали разные анекдоты дружки, как оне за женихом следили, пока жених придет...*» [ИЯЛИ. АФ 1706-40, Вилегодский р-н Архангельской обл., 1996 г.]; «*А то “на крюка” ходили. Мужичицо крюк в руки возьме, у двери колотя, тут какие-то приговорки есть: Вы, красные девки, / Сметанны пакосницы...*» [Пинежье 1980, 81—82] и др.

Столь явный терминологический разброс отчасти объясняется комментарием симбирского публикатора В. П. Юрлова, который отмечает наличие разных фольклорных жанров в репертуаре свадебных дружек: «В дружки выбирается всегда парень, как говорится, бывалый, который на все собаку съел, знающий и заговоры, и молитвы, и присказки, и приговорья (курсив наш. — Ю. К.), и оберегающий жениха и невесту от дурного глаза и порчи...» [Юрлов 1867, 4].

Во-первых, обращает на себя внимание, что современные информанты практически не употребляют лексемы «приговор» для номинации текстов, исполняемых свадебными чинами, однако во многих локальных традициях дефинициями *приговор, наговор, молитва* обозначаются также тексты,

которые употребляются в различных магических и лечебных практиках [Ермакова 2007, 31; ИЯЛИ. АФ 1701-41, 1701-29, 1701-41, 1706-55, 1536-37 и др. Вилегодский р-н Архангельской обл., Прилузский р-н РК].

Во-вторых, из приведенного достаточно пестрого списка народных наименований довольно трудно выделить более распространенные и устойчивые. Отметим, пожалуй, лексему «молитва» (и близкие к ней по значениям «молебен», «проповедь»), которая фиксировалась в интервью, записанных от исполнителей из нескольких районов Кировской, Архангельской областей и Республики Коми. Большинство словарей единодушно в определении значения лексемы «молитва»: «канонический словесный текст, произносимый верующими при обращении их к Богу» [Ушаков 1935—1940, т. 2, 247; см. также: Ожегов, Шведова 1987, 307—308]; «хвалебное, благодарственное или просительное обращение к Богу, святым; установленный текст, читаемый или произносимый верующим при обращении к Богу, к святым» [Ефремова 2000]; «молба, просьба; <...> слово, обращенное к Богу» [СРЯ 1975—, вып. 9, 243—244]. В вологодских, забайкальских диалектах *молитва* означает «текст заговора. Охранительный заговор (молодым на свадьбе или скоту от зверей)» [СРНГ 1968—2005, вып. 18, 217], значение *молитвы* как заговора фиксируется в Южной Сибири [Ермакова 2007, 31], в Прилузском районе РК [ИЯЛИ. АФ 1536-37. 2004 г.]. Причин номинирования свадебных приговоров молитвами, возможно, несколько. В частности, чтение каждого текста предварялось кратким молитвенным обращением или молитвой (например «Отче наш»), на что указывают информанты: «*...А это к каждому к этому комплекту (приговору. — Ю. К.) упоминалось раньше: Господи Иисусе Христе, сыне Боже наш. Это к каждому <приговору> надо...*» [СыктГУ. 0473-30. Вилегодский р-н Архангельской обл., 1988 г. р.]; «*<в доме невесты перед выездом к венцу> Садятся за стол, еще тысяцкий прочитает «Отче наш...»: Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя твое, да придет царствие твое, и будет воля твоя, яко*

на небеси и на земли, хлеб наш насущный дасть нам днесь... <Прочитает, как за стол сядут?> Да, спутается нарочно, все захохочут, вот так свадьба <...> смех пойдет...» [СыктГУ. 0473-32, там же] и др.⁹ Регулярное использование участниками свадьбы канонических молитв и их фрагментов, чтение молитвенного обращения перед произнесением каждого приговора, возможно, стали причиной использования дефиниции «молитва» применительно к текстам свадебных персонажей¹⁰. Свою роль сыграла и установка на произнесение приговоров «по канону», т. е. по определенным требованиям, не допускавшим существенных разночтений¹¹, особенно это

⁹ В опубликованных материалах также часто фиксируются упоминания о том, что перед произнесением практически каждого приговора дружка читал молитвы. Приведем сведения из Любимовского у. Ярославской губ.: «когда садятся за стол, дружка читает *«Отче наш»* (здесь и далее курсив наш. — Ю. К.) и прибавляет: «Кто не скажет аминь, тому вина не дадим». Каждое блюдо выносят по вызову дружки, по прочтении *Иисусовой молитвы*. <...> Перед последним блюдом дарят поезд. Затем дружка читает *Иисусову молитву* и говорит: «Наша пища кушана и рушана, и пирожком прикрыта». Последнее принесенное блюдо покрывают коркой пирога. После этого никто не ест» [Мыльникова, Цинциус 1928, 113]. Исследователи отмечают, что во многих ритуалах молитвы читались перед произнесением других сакральных текстов (заговоров, приговоров) [Белова, Левкиевская 2004, 278].

¹⁰ Нами зафиксирована и обратная ситуация, при которой сами исполнители делают четкое разграничение между приговорами и молитвами: стихи (приговоры. — Ю. К.) читает дружка, а молитвы — священник [АА. Зап. 12.08.2006 г. от Сухих Н. О., 1910 г. р., Вилегодский р-н Архангельской обл.].

¹¹ В этом контексте показателен комментарий И. И. Разманова к текстам, записанным на Нижней Вычегде: «Дружке задавали обычно такие вопросы, и так он должен был на них отвечать» [НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 217. Л. 271], см. также выше цитату из интервью: «Если это (приговор. — Ю. К.) не прочитают, то двери не откроют» [ИЯЛИ. ВФ 1521-39. Прилузский р-н РК, 2004 г.] и мн. др. Наши наблюдения за разновременными записями свадебных приговоров, записанных от разных исполнителей, показывают крайне малую вариативность текстов и сохранение «сюжетного костяка»,

касается тех текстов, которые регулировали движение обряда, служили для организации тех или иных ритуальных актов и в содержании которых нашел отражение ритуал.

Любопытна трактовка этой дефиниции современными информантами: в народных толкованиях лексема «молитва» получает коннотацию, отличную от той, которой она «наделена» в культуре (см. выше). Например, приговоры, которые читались перед закрытыми дверями, в материалах из Кировской обл. называются «матернущими молитвами»: «На мосту еще стоят, раньше просят, еще двери-те дёржат. Такие молитвы матернущие читали, чего-то: “Загрохотала жопная батарея, // Затряслися грудинские горы...” Ой, невозможные, со смеху умирали. <Читает> тысяцкий. Если не умеет, дак нанимали. Стоят, на улице там дёржат двери, не пускают. Долго, долго дёржат двери» [СыктГУ. 2040-2. Лузский р-н Кировской обл., 1991 г.]. В полевых дневниках сотрудников РЭМ приводится фрагмент скабрезного приговора и описано отношение информанта-женщины к его содержанию: «...Перед закрытой в избу дверью читает молитву: “Есть ли у вас спицы и полицы класть шапки да рукавицы? Есть ли у вас курочки кладливые, есть ли у вас девочки гребливые...” Далее информатор молитвы не помнит, но говорит, что она перемежается “матерными словами” и весь ее смысл неприличный. Слово “гребливые” она даже не смогла выговорить вслух, а написала на бумаге. После этой молитвы двери открывали, жених проходил в дверь, угощал невесту и подруг вином» [РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 57об.—58, там же, 1987 г.]¹².

Вторым любопытным названием является *причет*, а также его словообразовательные дериваты *причитывать*, *причитать* и связанные с ним сочетания *читать* (вар.: *говорить*) *причеты*. Словари предлагают довольно обширный спектр значений лексемы *причет*,

в котором содержится информация о ходе обряда [Крашенинникова 2009а, 40—44].

¹² Близкое значение лексемы «молитва» зафиксировано на Ветлуге (Костромская губ.): «неприличные стихи (выделено нами. — Ю. К.), которые читают при игре “в лошадь”» [СРНГ 1968—2005, вып. 18, 218].

в числе которых: приговор, присловье (Ярос., Калуж); пословица, поговорка (Р. Урал) [СРНГ 1968—2005, вып. 32, 60]; «то же что причетка, причитание» [СРНГ 1979, 440]; «рев, плач, причитанья» [Даль 1995, т. 3, 460]; «местн. 1. то же что причитание; 2. песня, связанная с каким-л. обрядом, прибаутка» [Ефремова 2000]; «причет и причёт (обл., лит.). Причитание» [Ушаков 1935—1940, т. 3, 879]. Указанная выше просторечная глагольная форма «причитывать» также имеет несколько значений: причитать, т. е. плакать, жалуясь на что-нибудь или оплакивая кого-нибудь [Там же, 880] и читать [СРНГ 1968—2005, вып. 32, 62]. В. И. Даль фиксирует значения, передающие оттенки манеры исполнения: «приговаривать с напевом, припевать говорком, плакать, плач плакать, приплакивать...» [Даль 1995, т. 3, 460]. Стоит отметить, что современные информанты лексемы *читать*, *начитывать*, *причитать* и *говорить* употребляют для характеристики манеры исполнения как приговоров, так и причитаний. Например, о приговорах: «<дружка> *знал “говорёшеньки”, говорил причётами*» [НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 742. Л. 122. Прилузский р-н РК, 2004 г.]; «<при дарении дружка> *причитает, поговорит*. <Причитал?> *Ну, там как невеста жила, как дары насала...*» [СыктГУ. 2219-21. Опаринский р-н Кировской обл., 1992 г.]; о причитаниях: «<крестная> *обнимает <невесту> и начитывает, невеста что-то повторяет, что-то исправляет, кому-то насибо говорит, и плачут. Не плачут, а начитывают: кому насибо, кому чего. Она читает, как бы плачет*» [АА. Зап. 22.06.2006 г. от Можеговой П. П., 1926 г. р., д. Якутинская Прилузский р-н РК]; «говорилишные песни» [Никифорова 1997, 64]. Можно предположить, что подобная «синонимичность» подразумевает некоторую близость в народном сознании этих двух жанров по способу исполнения: песенно-речитативная манера, свойственная причитаниям, и речитативная манера для приговоров.

Условное «причисление» приговоров к паремийным жанрам (называние приговоров присловьями, поговорками, прибаутками, присказками, при-

говорками) можно объяснить в большей степени не манерой исполнения и склонностью к насыщению текстов рифмой¹³ (хотя не отрицаем влияние и этих факторов), а наличием в этом свадебном жанре лаконичных устойчивых реплик и достаточно большого фонда «общих мест», клише, типизированных описаний, стереотипных выражений, формул, которые с завидным постоянством повторяются из текста в текст на протяжении всего обряда, а также в записях из разных локальных традиций. Показательно в этом плане то, что многие из этих формульных клише опубликованы как пословицы и поговорки, например, в работах В. И. Даля: «Ноги с подходом, руки с подносом, голова с поклоном, язык с приговором» (свадебная прибаутка) [Даль 1995, т. 3, 407]; «Невесту срядите, вперед посадите, а нам ворота отворите» [Даль 1989, т. 2, 245]; «Пей-ка, попей-ка, на дне-то копейка, а еще попьешь, и грош найдешь» [Там же]; «Благословите под злат венец стать, закон принять, чуден крест целовать!» [Даль 1989, т. 2, 246]; «Умели поить-кормить, умеите снарядить, за стол посадить» [Там же]; «Сена по колено, овса щетки, а воды лотки» [Даль 1989, т. 2, 396] и др.

В ряде случаев в народной номинации закреплено функциональное назначение текста или назван используемый в конкретном ритуальном акте атрибут. Так, например, в Костромском у. одноименной губернии зафиксирован образец «наговора на почки», который читался на следующий день после первой брачной ночи на свадебном застолье [Виноградов 1917, 127—128] (вар.: «наговор при едении почки» [ГАКО2. Ф. 179. Оп. 2. Д. 69. Л. 149]). Название приговора поясняет публикатор: женатым парам подавали «чарочку на парочку» и кусок почки, муж, держа в руках стакан, вставал на лавку, а жена ложилась перед ним на пол, после чего муж произносил приговор («наговаривает что-нибудь» [Ви-

¹³ В частности, М. Б. Плюханова отмечает насыщенность рифмой более поздних по времени записи образцов свадебных приговоров и совсем малую долю рифмы в образцах архаических [Плюханова 1986, 251—252].

ноградов 1917, 127]). После исполнения приговора пара выпивала на двоих стакан вина, закусывала одним куском почки и целовалась, держа друг друга за уши [Там же, 127, 128]. Название приговора «на мяч», записанного в нескольких вариантах в Вологодской губ., также объясняет собиратель: «В прежнее время в день свадьбы невестины соседи и другие мужчины играли на улице в этот мяч; мяч жених возил с собой и отдавал его в пользу невестиных соседей; ныне жених мяча с собой не возит, а деньги, собранные на мяч, теперь идут на попойку» [Иваницкий 1890, 104]. Деревце (березка, ель или верхушка ели), символизировавшее «девью волю/красоту», украшенное разноцветными бантиками, цветными бумажками, лентами, свечами, с куклой на вершинке, довольно часто упоминается в названиях приговоров, которые произносились девушками, подругами невесты, при выносе небольшого свадебного дерева: *наговор девицы с девичьей красотой* [ГАКО2. Ф. 179. Оп. 2. Д. 74. Л. 70. Костромская губ.]; *наговор девушек на елочку* [КГУ. Антроповский р-н Костромской обл., 1973 г.]; *наговор на красоту* [КГУ. Галичский р-н Костромской обл., 1987 г.] и др. Нацеленность на получение угощения («кряного», «табака» и проч.) или денег также отражена в номинациях: *байка про табачок* (Вилегодский р-н Архангельской обл.); *просьба об угощении* [РГО. Р. 7. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 284. Вологодская губ., 1890 г.] и проч. Целый ряд названий закрепляет «место» того или иного текста в обряде: *наговор при продавании «косы»* [ГАКО2. Ф. 179. Оп. 2. Д. 69. Л. 75. Костромская губ.]; *причет дружки при раздаче подарков* [РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 67. Л. 22. Кировская обл., 1937 г.]; *наговор при останавливании катающихся молодых* [ГАКО2. Ф. 179. Оп. 2. Д. 69. Л. 164. Костромская губ.]; *просят тарелку, чтобы класть подарки* [ИЯЛИ. ВФ 1704-16. Вилегодский р-н Архангельской обл., 2004 г.]; *на поезд у жениха* [РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 39. Л. 87. Архангельская обл.]; *пойдем с башмаками* [Там же. Л. 89. Архангельская обл.] и др.

В интервью и публикациях фиксируются особенности манеры произнесения приговоров: *дружка приговаривает* [СыктГУ. 1826-1. Мурашинский р-н Кировской обл., 1990 г.]; *читает* [ИЯЛИ. АФ 1706-84, АФ 1704-107. Вилегодский р-н Архангельской обл., 1996 г.]; *читает причеты* [РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 14. Кировская обл., 1990 г.]; *причитывает* [Там же. Ед. хр. 48. Л. 36об., Кировская обл., 1990 г.; СыктГУ. 2219-21, 1826-26. Опаринский, Мурашинский р-ны Кировской обл., 1990, 1992 гг.]; *шепчет* [ИЯЛИ. АФ 1705-65. Вилегодский р-н Архангельской обл., 1996 г.]; *сказывает сказку* [РЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1432. Л. 4] (цит. по: [Самоделова 2001, 37]); *быстро говорит* [РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 38об. Пермская обл., 1990 г.]; <произносит> *скороговоркой* [РГО. Р. 7. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 44—45. Вологодская губ., 1849 г.]; *сгороговорочный наговор* [ПГВ 1864, 44]; *наговаривает прибаутки* [РГО. Р. 18. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 4. Костромской губ., 1853 г.]; *поет* [ИЯЛИ. АФ 1704-24; СыктГУ. 0493-25] (вар.: *молитву поет, чтобы двери открыли*. Вилегодский р-н Архангельской обл., 1996, 1990 гг.; вар.: «*пел песню* (говорит речитативом — пояснение составителей сборника. — Ю. К.) [Ветлужская сторона 1996, 100, № 108]); *кричит* [Соколовы 1915, 352]; *вскрикивает* [ПГВ 1864, 15] (ср.: *выкрикивание* [Плюханова 1986, 251]); *крутехонько говорили, не распевали* [ФА ИРЛИ. 500Ф. № 3541.13. Каргопольский р-н Архангельской обл., 1986 г.]; *орет*, <на подклете> *колбасит* [СыктГУ. 2229-4. Опаринский р-н Кировской обл., 1992 г.]; «*Мужчину найдут <в дружки>, который любит попричитать, попритворяться...*» [СыктГУ. 2219-21. Опаринский р-н Кировской обл., 1992 г.]; «<дружка> *знал “говорёшеньки”, говорил причётами*» [НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 742. Л. 122. Прилузский р-н РК, 2004 г.], «<при дарении дружка> *причитает, поговаривает*. <Причитал??> *Ну, там как невеста жила, как дары насла...*»¹⁴ [СыктГУ. 2219-21. Опаринский р-н Кировской

¹⁴ Информант упоминает приговор, который использовался в качестве характеристики невесты и сопровождал дарение присутствующих, например: «*Наша невеста тонко пряла, / Бело белила, / На камешке колотила, /*

обл., 1992 г.]; «<дружка> начинал “наговаривать” громко, весело и размеренно четко» [Аргентов 1940, 176] и др.

Приведенные примеры показывают, что народная среда для определения манеры исполнения использует довольно большой спектр толкований, принципиально различных между собой: от «сказывать» (в значении ‘говорить, рассказывать, повествовать, извещать, объявлять’ [Даль 1995, т. 4, 189–190]) до «причитывать» (‘читать, причитать’ [СРНГ 1968–2005, вып. 32, 62], ‘приговаривать с напевом, припевать говорком, приплакивать’ [Даль 1995, т. 3, 460]). Подчеркиваются особенности артикуляции исполнителей («быстро говорит», «произносит скороговоркой», «крутехонько говорит», «наговаривал громко, весело и размеренно четко» и др.), а также громкость произнесения текстов (от шепота до крика).

Наконец, в народных дефинициях, характеристиках манеры произнесения текстов отчасти концентрируются сведения о типологических связях приговоров с другими фольклорными жанрами (по способу произнесения, тематике, стилистике). И действительно, содержание текстов приговоров «отсылает» к обрядовой лирике¹⁵, рождественским обрядовым песням, сказочной прозе; отметим включение в тексты свадебных чинов паремий и таких маргинальных жанров, как предписания, благопожелания, запреты, прозвищный фольклор и проч. В свадебных приговорах обнаруживается характерный для заговорно-заклинательной поэзии поэтический инвентарь¹⁶. Очевидно и влияние литературной «составляющей»

Дары пасла / <Там подносят какому человеку> / И ёму дары поднесла [СыктГУ. 2233–44, Опаринский р-н Кировской обл., 1992 г.].

¹⁵ Сопоставление приговоров разных свадебных персонажей с текстами других жанров свадьбы позволяет говорить о существовании не только общего тематического, но и стилистического репертуара, и примеров текстологических «схождений» довольно много. Выделяется перечень типовых описаний, формул, общих для свадебных (и не только) жанров, несколько примеров мы приводили в работе [Крашенинникова 2010].

¹⁶ Более подробно мы останавливались на этом аспекте в работе [Крашенинникова 2009].

(лубочные картинки, демократическая сатира, авторская поэзия¹⁷).

О причинах такой способности жанра к усвоению, творческой переработке и в некоторых случаях прямому цитированию фрагментов разножанровых фольклорных и литературных произведений мы упоминали ранее, отмечая, в частности, большую подверженность жанра новациям вследствие его индивидуального характера, аккумулятивные функции других чинов на позднем этапе бытования свадебного обряда. Принадлежность одному обрядовому комплексу объясняет тематическую и стилистическую близость приговоров со свадебной лирикой, поскольку наиболее важные темы свадьбы многократно проговаривались участниками ритуала в разных жанрах [см.: Крашенинникова 2010].

Итак, народная среда, научно-популярная очерковая литература предлагают довольно широкий спектр обозначений свадебных приговоров, закрепляя в названиях такие дифференцирующие признаки, как типологическое сходство с другими жанрами, функциональную приуроченность того или иного текста к определенному обрядовому акту, используемый атрибут. Разнообразие народных обозначений (также как и отсутствие единой исследовательской оценки) обусловлено наличием в говорном репертуаре участников свадьбы различных жанров, «необычностью» содержания многих текстов, что в свою очередь объясняется способностью приговоров к исполь-

¹⁷ Так, В. А. Бахтина отмечает влияние поэзии А. С. Пушкина на содержание свадебных приговоров, записанных от заонежского сказителя М. К. Рябинина [Бахтина 2003, 4–5]. Ряд примеров мы приводили в работе [Крашенинникова 2010]: в частности, использование в качестве приговоров лубочных текстов преимущественно свадебной тематики («Разговор между женихом и свахой», «Реестр о дамах и о прекрасных девицах», «Реестр о дамах и о девицах, молодницах», «Роспись приданому тебе молодцу удалому», «Рассуждение о женитьбе» и др.), произведений демократической сатиры («Служба кабаку», «Калязинская челобитная»), духовных стихов («Адская газета»), авторской поэзии (например, произведений А. В. Кольцова).

зованию, творческой переработке, прямо цитированию фрагментов разных фольклорных и литературных текстов. Что касается наблюдений относительно формирования систем народных дефиниций, отметим некоторые черты, которые, вероятно, будут характерны для корпуса народных обозначений большинства фольклорных жанров: открытость системы и ее пополняемость (происходит до тех пор, пока жанр активен и функционирует в народной среде), стремление каждого жанра к выработке собственных способов номинации текстов, свойство народных дефиниций улавливать и закреплять некоторые рельефные признаки жанра. Наконец, использование одних и тех же терминов для номинации разножанровых текстов свидетельствует в ряде случаев о неспособности народной среды к четкому разграничению разных по своей природе жанров.

Литература

- Андроников 1905 — *Андроников В. А.* Свадебные причитания Костромского края со стороны содержания и формы (Из трудов Тверского Областного Археологического съезда). Тверь, 1905.
- Аргентов 1940 — *Аргентов Г.* Наговоры дружки // Уральский современник. Литературно-художественный альманах. Свердловск, 1940. № 3. С. 176—178.
- Аргентов 1941 — *Аргентов Г.* Наговоры дружки // Прикамье. Литературно-художественный сборник. 1941. № 2. С. 101—104.
- Бахтина 2003 — *Бахтина В. А.* М. К. Рябинин — свадебный дружка (из архивных материалов) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения — 2003»). Петрозаводск, 2003. С. 3—5.
- Белова, Левкиевская 2004 — *Белова О. В., Левкиевская Е. Е.* Молитва // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 276—280.
- Бломквист 1927 — *Бломквист Е. Э.* Свадебные указы Ростовского уезда (к вопросу об отражении сюжетов лубочных картинок в современном крестьянском быту) // Художественный фольклор. 1927. Вып. 2—3. С. 103—111.
- Васнецов 1894 — *Васнецов А.* Песни Северо-Восточной России. Песни, величания и причеты, записанные в Вятской губернии в 1868—1894 гг. М., 1894.
- Веселовский 1989 — *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М., 1989.
- Ветлужская сторона 1996 — Ветлужская сторона: фольклорный сб. / вступ. ст., составление, общая редакция А. В. Кулагиной. Кострома, 1996. Вып. 2.
- Виноградов 1917 — *Виноградов Н. Н.* Народная свадьба в Костромском уезде // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. 1917. Вып. 8. С. 71—152.
- Гагенторн 1928 — *Гагенторн Н.* Свадьба в Салтыковской волости Моршанского уезда Тамбовской губернии // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1928. С. 171—195.
- Даль 1989 — *Даль В. И.* Пословицы русского народа: в 2 т. М., 1989.
- Даль 1995 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1995.
- Ермакова 2007 — *Ермакова Е. Е.* Номинации лечебных и магических текстов в народной медицине Тюменской области // Живая старина. 2007. № 3. С. 31—34.
- Ермолаев 1912 — *Ермолаев А.* Свадебные наговоры дружки в ангарской деревне // Сибирский архив: Журнал археологии, истории и этнографии Сибири. Иркутск, 1912. № 8. С. 585—594.
- Ефремова 2000 — *Ефремова Т. Ф.* Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.speakrus.ru/index.htm>
- Забылин 1990 — Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. Репринтное воспроизведение издания 1880 г. М., 1990.
- Зализняк 2007 — *Зализняк А. А.* Семантика кавычек // Труды Международного семинара Диалог'2007 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm
- Зеленин 1904 — *Зеленин Д. К.* Свадебные приговоры Вятской губернии / записал и снабдил комментариями Д. К. Зеленин. Вятка, 1904.
- Зобнин 1898 — *Зобнин Ф.* Поездка на Алтай // Живая старина. 1898. Вып. 3—4. С. 267—293.
- Зорин 1981 — *Зорин Н. В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981.
- Иваницкий 1841 — *Иваницкий Г. А.* Приговоры дружки, когда он придет за невестой // Москвитянин. Ч. 6. № 12. 1841. С. 486—489.
- Ключева 2008 — *Ключева М. А.* Народные подвижные детские игры: опыт типологии. Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2008.

Крашенинникова 2009 — *Крашенинникова Ю. А.* Межжанровые связи в мифопоэтическом содержании фольклорных текстов (свадебные приговоры — заговоры) // Традиционная культура. 2009. № 1. С. 29—39.

Крашенинникова 2009а — Свадебные приговоры Вилегодского района Архангельской области в устной и рукописной традиции XX в. (исследование и тексты) / сост., вступ. ст. и комментарии Ю. А. Крашенинниковой. Сыктывкар, 2009.

Крашенинникова 2010 — *Крашенинникова Ю. А.* Свадебные приговоры среди фольклорных и литературных жанров (к вопросу о межжанровом взаимодействии) // От Конгресса к Конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: сб. докладов. Т. 1. М., 2010. С. 195—208.

Круглов 1984 — *Круглов Ю. Г.* Свадебные приговоры как жанр // Жанровая специфика фольклора. М., 1984. С. 74—95.

Левинтон 1998 — *Левинтон Г. А.* Замечания о жанровом пространстве русского фольклора // Судьбы традиционной культуры: Сборник статей и материалов памяти Ларисы Иевлевой. СПб., 1998. С. 56—72.

Лысанов 1916 — *Лысанов В. Д.* Досюльная свадьба: Песни, игры и танцы в Зонеже Олонецкой губ. / собрано и изложено в драматической форме В. Д. Лысановым. Петрозаводск, 1916.

Магницкий 1877 — *Магницкий В.* Песни крестьян с Беловожского Чебоксарского у. Казанской губ. Казань, 1877.

Можаровский 1907 — *Можаровский А. Ф.* Свадебные песни Казанской губернии // Этнографическое обозрение. 1907. № 1—2. С. 70—159.

Мореева 1927 — *Мореева А. К.* Традиционные формулы в приговорах свадебных дружек // Художественный фольклор. Вып. 2—3. М., 1927. С. 112—129.

Мыльникова, Цинциус 1928 — *Мыльникова К., Цинциус В.* Северно-великорусская свадьба // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1928. С. 17—171.

Никитина 1993 — *Никитина С. Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

Никифорова 1997 — *Никифорова О. В.* Диалектная свадебная лексика в Нижегородской области. Дис. ... канд. фил. наук. М., 1997. Т. 1.

Огурцов 1910 — *Ое[гурцов] Н.* Свадебные обычаи Пошехонского уезда // Ярославские зарницы. 1910. № 14. С. 4.

Ожегов, Шведова — *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд. 18-е, стереотипное. М., 1987.

Ончуков 1908 — *Ончуков Н.* Свадебная сказка во время смотрин // Живая старина. 1908. Вып. 2. С. 261—264.

ПГВ 1864 — Свадебные обряды в Шадринском уезде Пермской губернии // Пермские губернские ведомости. 1864. № 3. С. 15—17; № 7. С. 42—44.

Пинежье 1980 — Обрядовая поэзия Пинежья. Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970—1972 гг.) / под ред. Н. И. Савушкиной. М., 1980.

Плесовский 1968 — *Плесовский Ф. В.* Свадьба народа коми. Сыктывкар, 1968.

Плюханова 1986 — *Плюханова М. Б.* Проблема пародийности рифмы // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 240—253.

Поздеев 1984 — *Поздеев В. А.* Приговоры дружки в структуре севернорусского свадебного обряда // Жанровая специфика фольклора. М., 1984. С. 60—74.

Самоделова 2001 — *Самоделова Е. А.* Дружка и его помощник // Мужчина в традиционной культуре. М., 2001. С. 28—47.

Самоделова 2003 — *Самоделова Е. А.* Народные принципы обозначения свадебных песен // Традиционная культура. 2003. № 1. С. 19—26.

Серебренников 1911 — *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи и песни крестьян Андреевской волости Оханского уезда Пермской губернии (со вступительной статьей А. Д. Городцова) // Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1911. Вып. 4. С. 1—68.

Снегирев 1839 — *Снегирев И. М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 4. М., 1839.

Соколов 1941 — *Соколов Ю. М.* Русский фольклор. М., 1941.

Соколовы 1915 — Сказки и песни Белозерского края / записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

СРНГ 1979 — Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1979.

СРНГ 1968—2005 — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—26. Л., 1968—1991; Вып. 27—39. СПб., 1992—2005.

СРЯ 1975 — Словарь русского языка XI—XVII вв. / отв. ред. С. Г. Бархударов. Вып. 1—4. М., 1975—.

Толстая 1989 — *Толстая С. М.* Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М., 1989. С. 215—229.

Торопова 1974 — *Торопова А. В.* Наговор дружки в поэтической системе свадебного

фольклора. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1974.

Ушаков 1935—1940 — Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.

Шейн 1900 — Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах / Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1900.

Юрлов 1867 — Юрлов В. П. Заметка о свадебных обрядах в Симбирской губернии // Симбирские губернские ведомости. 11 марта 1867. № 27. С. 3—4.

Юрлов 1867а — Юрлов В. П. Этнографические материалы // Симбирские губернские ведомости. 1867. № 37. С. 3.

Сокращения

АА — архив автора.

ГАКО — Государственный архив Кировской области.

ГАКО2 — Государственный архив Костромской области.

ИЯЛИ — фольклорный архив Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, АФ — аудиофонд, ВФ — видеофонд.

КГУ — архив фольклорно-краеведческой лаборатории Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.

НА Коми НЦ — научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РГО — архив Русского географического общества.

РК — Республика Коми.

РО ИРЛИ — рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

РЭМ — архив Российского этнографического музея.

СыктГУ — фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета.

ФА ИРЛИ — фонограммархив Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Summary. *The article is devoted to the analysis of the national definitions of wedding speeches fixed in scientific, popular literature and archival materials of XIXth — XXth centuries, principles of occurrence and functioning of some national terms, the reasons of fastening in tradition of those or other national designations of a genre and its versions are analyzed.*

Key words: *national terminology, systems of national definitions, russian wedding speeches, specificity of a genre.*

М. Г. МАТЛИН
(Ульяновск)

ОБРЯД «ПОИСКИ ПРОПАВШЕГО ЖИВОТНОГО» В РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЬБЕ XIX—XX ВВ.

(К вопросу о формировании
и развитии традиции)

Аннотация. В статье обряд поиска пропавшего животного рассматривается как явление позднее, сформировавшееся в рамках традиционной свадебной обрядности примерно в конце XIX — начале XX в. В качестве доказательства автор приводит значительное число примеров из разновременных источников.

Ключевые слова: русская свадьба, обряд поиска пропавшего животного.

Как известно, в русском традиционном свадебном обряде в XX в. сохранились и получили развитие многие смеховые элементы традиционной русской свадьбы XIX в. [Власова 1978; Зорин 1981; Ивлева 1994; Эпизоды... 1995]. Наиболее ярко это проявилось в обычае ряжения, в специальных комических и смехоэротических текстах (песенных, прозаических, стихотворных), исполняемых в определенные моменты свадьбы (например при выкупах, посещении девушками дома жениха накануне венчания/регистрации, на свадебных пирах, утром 2-го дня свадьбы и др.), в разыгрывании небольших импровизированных сенок и особенно в исполнении сложного многоперсонажного действия, обладающего четким и хорошо разработанным сюжетом, существующего в двух основных разновидностях: поиски «молодухи» и поиски «ярки»/«телки»/«барана», которое Л. М. Ивлева обозначила как имитацию ряжеными «поиска пропавшего животного» [Ивлева 1994, 114]¹.

Она же отмечала, что до сегодняшнего дня «большая часть сведений о свадебном ряжении — слишком общего характера», что, соответственно, «мешает восстановить с желаемой полнотой основной набор масок, типичных для

¹ См. также: [Гура 1999].